

Вокруг снова воцарилась тишина.

Слышался лишь шум ветра да сдавленные всхлипы юноши, прильнувшего к груди Бо Цинъянь.

Она опустила взгляд на голову, уткнувшуюся в её одежду.

— Отпусти.

Юноша вздрогнул, но вместо того чтобы разжать руки, сжал их ещё крепче. Сквозь рыдания он глухо пробормотал:

— Н-нет... они всё ещё там... они схватят меня...

— Я сказала: отпусти.

Голос по-прежнему звучал ровно, но в нём появилось на несколько градусов больше холода.

Юноша на мгновение замер, а затем медленно разжал пальцы и отстранился.

Он поднял голову, явив лицо, сплошь покрытое слезами. Его веки опухли, глаза покраснели, на ресницах дрожали капли влаги, а кончик носа тоже стал пунцовым. Губы, искусанные до припухлости, жалко приоткрылись — он словно хотел что-то сказать, но не решался.

Он так и замер, глядя на неё снизу вверх: взгляд робкий, влажный, точно у промокшего под дождём крольчонка.

— П-простите... — прошептал он. Голос, мягкий и тягучий, дрожал от недавних слёз. — Я испачкал вашу одежду...

Бо Цинъянь опустила взгляд на мокрые пятна на своём вороте.

Испачкал.

Она ничего не ответила, лишь продолжала смотреть на него.

Под этим взглядом юноша смущённо опустил глаза, его ресницы мелко дрожали, а пальцы нервно теребили подол рубахи. Он стоял босиком на земле, его ступни, израненные и покрытые грязью, сильно распухли, но он не смел жаловаться на боль, лишь время от времени тихонько вздрагивал.

— Как тебя зовут? — спросила она.

Юноша замешкался, затем тихо ответил:

— Б-Бай Мянью... Мянью от слова «овечка» (мянью).

Мянью от слова «овечка».

Бо Цинъюнь смотрела на него.

Имя оказалось удивительно подходящим.

Мягкий, как овечка, послушный, как овечка, и такой же... беззащитный, как овечка.

— Ты ищешь защиты? — спросила она.

Юноша опешил, а затем принялся отчаянно кивать — так порывисто, что с его лица снова сорвались капли слёз.

— А что ты можешь дать мне взамен?

Бай Мянью замер.

Что он может дать?

Он приоткрыл рот, но не нашёл слов. Он — Котёл, но разве мог он сказать: «Я могу стать вашим Котлом»? У него не повернулся язык. Он ничего не умел, ничего не мог, даже убежать далеко был не в силах — только плакать и доставлять другим хлопоты.

Его глаза снова покраснели, он потупился, не смея на неё смотреть.

В этот миг в его голове раздался голос Системы:

— Хозяин, соглашайся! Это же человек с великой удачей!

Бай Мянью остолбенел.

Человек с великой удачей?

— Она — гений Пути Меча в этом мире, холодная и расчётливая, но к тем, кого признает, относится невероятно хорошо. Хозяин, такой шанс выпадает раз в жизни!

В голове Бай Мяня царила пустота.

— Соглашайся же! — торопила Система. — Что бы она ни попросила — соглашайся, главное — останься рядом! Куда ты иначе пойдёшь? Вернёшься обратно, чтобы быть Котлом?

Вернуться, чтобы быть Котлом.

Эти слова обрушились на него, словно ушат ледяной воды.

Бай Мянь вздрогнул, поднял голову и встретился с её холодными глазами.

Он не знал, что может ей предложить.

Но он точно знал, что не хочет возвращаться.

— Я... — пролепетал он, и голос его, едва слышный, дрожал. — Я... я на всё согласен...

На всё согласен.

Уголки губ Бо Цинъянь едва заметно дрогнули.

— Ты просишь защиты, — отчётливо произнесла она, — а я требую покорности.

Бай Мянь замер.

Покорности?

Он не до конца понимал значение этого слова, но уловил главное — она готова его принять.

К горлу подступил ком, слёзы хлынули с новой силой. Он принялся отчаянно кивать, не в силах остановиться, и сквозь всхлипы повторял:

— Да... да! Я согласен... я согласен на покорность...

Бо Цинъянь смотрела, как он кивает, словно птенчик, клюющий зерно, и как слёзы разлетаются во все стороны, — жалкое, беспомощное зрелище.

Она подошла и остановилась прямо перед ним.

Смотрела на него сверху вниз.

— Ты понимаешь, что значит покорность?

Бай Мянью, глядя на неё, растерянно покачал головой.

Бо Циньянь наклонилась, заглядывая ему в лицо.

В лунном свете её глаза казались глубокими и тёмными, словно бездонная заводь.

— Это значит, — её голос был тихим и бесстрастным, но от него по спине пробежал холодок, — что отныне ты принадлежишь мне. Если я скажу идти на восток — ты не пойдёшь на запад. Если я скажу стоять — ты не посмеешь сесть. Если я прикажу смеяться — ты не посмеешь плакать.

Бай Мянью оцепенело смотрел на неё, боясь, что слёзы, стоящие в глазах, вот-вот прольются.

— Понял?

Бай Мянью инстинктивно хотел кивнуть, но почувствовал, что что-то не так, хотя не мог объяснить, что именно. Он просто смотрел на неё, и в его влажных глазах читались страх, замешательство и полная беспомощность.

Бо Циньянь, глядя на него, выпрямилась.

— Не понимаешь — не страшно, — сказала она, вновь обретая прежнее равнодушие. — Со временем поймёшь.

Она опустила взгляд на его ноги.

— Можешь идти?

Бай Мянью покачал головой, затем кивнул, снова покачал головой — он сам не знал, может ли идти, и смотрел на неё с невыразимой мольбой.

Бо Циньянь ничего не ответила на его немое признание.

Она развернулась и сделала шаг вперёд.

Бай Мянь замер.

Уходит?

Он приоткрыл рот, желая окликнуть её, но не посмел. Он так и стоял на месте, глядя ей в спину, и глаза его снова налились кровью.

Бо Цинъянь прошла пару шагов и остановилась.

Не оборачиваясь, она бросила:

— Чего стоишь?

Бай Мянь вздрогнул и, шатаясь, поспешил следом. Каждый шаг отдавался острой болью в ступнях, он закусил губу, ковыляя за ней и не смея издать ни звука.

Прошли они немного, когда фигура впереди внезапно остановилась.

Бай Мянь, не успев затормозить, едва не врезался ей в спину. Он поспешно отступил на два шага, от резкой боли в ногах у него перехватило дыхание, и из глаз снова брызнули слёзы.

Бо Цинъянь обернулась и посмотрела на него.

Юноша втянул голову в плечи, опустил глаза, слёзы капля за каплей падали на землю. Он не смел плакать в голос, лишь отчаянно сдерживался, и плечи его мелко подрагивали.

— Подойди.

Бай Мянь замешкался, но медленно подошёл.

Бо Цинъянь протянула руку и взяла его за подбородок, заставляя поднять голову.

Лицо юноши было залито слезами, глаза покраснели и опухли — зрелище было до нелепости жалким.

— О чём плачешь?

Бай Мянь покачал головой, и с его лица сорвалось ещё несколько капель.

Бо Цинъянь смотрела на него глубоким, задумчивым взглядом.

— Такая плакса, — холодно заметила она. — Ты что, из воды сделан?

Бай Мянъ замер, не понимая, что она имеет в виду, лишь робко смотрел на неё.

Бо Цинъянь отпустила его и подхватила на руки.

Бай Мянъ вскрикнул и инстинктивно обнял её за шею.

На мгновение его тело напряглось, но вскоре он обмяк, сжавшись в крошечный комочек в её объятиях — он был таким лёгким, почти невесомым. Уткнувшись лицом в её плечо, он открыл лишь покрасневшие уши и узкую полоску белой шеи.

Бо Цинъянь опустила взгляд на голову, прильнувшую к её плечу.

Такой послушный.

Такой мягкий.

Такой беззащитный.

Уголки её губ слегка приподнялись.

— Бай Мянъ, — позвала она.

Из её объятий донёсся приглушённый голос:

— М?

Бо Цинъянь усмехнулась, в её голосе зазвучали многозначительные нотки:

— Овечка: кроткая, послушная, не может жить без пастуха.

Она помолчала, наклонилась к самому его уху и добавила шёпотом, лёгким, как ветерок:

— И ты — точно такой же.

Бай Мянъ почувствовал, как уши вспыхнули, лицо залилось краской, и он прижался к ней ещё

сильнее, не смея поднять головы.

<http://bllate.org/book/22395/2350066>